

Монахиня Фаина, в миру Васса Тихоновна Ковалева, родилась в 1886 году в праздник Преображения Господня. Родители ее жили в поселке Дудковском Области Войска Донского (ныне Ростовская область России), происходили из крестьян и отличались христианским благочестием. Отец ее Тихон своей земли не имел, зарабатывал на жизнь тем, что копал людям колодцы. Мать звали Евдокией, ей так же приходилось работать, не покладая рук.

Жили они в небольшой хатке. Кроме Вассы в семье было еще трое детей. Братья Сампсон и Феодор умерли в младенческом возрасте, осталась сестра Евфросиния.

Васса в младенчестве отличалась от остальных детей тем, что была очень спокойным ребенком: не кричала, почти все время спала. Родные в шутку говорили: «Монашечкой будет», что впоследствии и сбылось.

Однажды, когда Вассе исполнилось два годика, мама решила покормить ее мясом, но девочка наотрез отказалась его вкушать. Мама насильно вложила ей в рот кусочек, но та его выплюнула, закрыла свое личико ручками и заплакала. После родители решили не мучить ребенка и не принуждали ее есть мясную пищу. В детстве Вассу посещали ангелы, часто, улыбаясь, она беседовала с ними.

Когда девочке исполнилось шесть лет, родные, отправляясь в Киев на богомолье, взяли с собой и ее. Были они в Киево-Печерской Лавре, где поклонились честным мощам великих угодников Божиих. А когда паломники посетили Голосеевскую пустынь, то подвизавшийся там преподобный Алексей, когда увидел Вассу, предрек, что эта девочка будет великой молитвенницей. Предсказал старец и ее нелегкую судьбу, сказал, что в годину гонений за веру ей предстоит тюремное заключение, где придется питаться вместе с кошками и собаками. «Ты хоть ложечку, но оставляй в чашке для кошечек и собачек», - таким наставлением заканчивались его пророческие слова.

В школу Васса не ходила, священник приходил учить ее грамоте и Закону Божьему на дому.

Тетя Вассы, монахиня Фаина была насельницей Старобельского монастыря, однажды в обители подошла к ней блаженная инокиня Параскева и сказала: «Божия Мать ждет твою племянницу». Девочке в это время исполнилось двенадцать лет и, когда она от тети услышала эти слова, сказанные старицей, то в душе ее загорелся сильный огонь желания поступить в Старобельский монастырь. Когда их навещала

монахиня Фаина, то Васса всегда просила тетю забрать ее с собой.

В семье девочка прожила четырнадцать лет, когда пошел ей пятнадцатый год, тетя приехала за ней, чтобы забрать в монастырь. Как ни тяжело было расставаться родителям со своей дочерью, но они согласились и преподали отроковице свое благословение. Провожая ночью ее и монахиню Фаину в обитель, когда те переехали на другой берег речки, то слышали голос: «Пропала девочка, пропала!» Это кричал бес - враг рода человеческого, смущая родительские сердца и признавая свое бессилие перед этим чистым ребенком, ставшим на путь пламенной молитвы и великих подвигов.

Как только прибыли они в монастырь, инокиня Параскева встретила их, и обратилась к Вассе со словами: «Матерь Божия тебя уже давно записала в монастырь, а ты дома сидела!» Сразу блаженная взяла ее под свою духовную опеку и определила ее на монастырский хутор в селе Писаревка на пекарню, где для обители выпекали хлеб. Послушанием ее было месить тесто, работа была очень тяжелой, но, несмотря на все трудности, новая послушница справлялась со своими обязанностями, к которым относилась очень серьезно. Да и сестрам сразу приглянулась она: Васса была

высокого роста, стройной девушкой, хотя и не мелкой кости, умное ее лицо украшали голубые глаза, отличалась среди других смирением, кротостью, простотой в общении, больше молчала, имела ко всем нелицемерную любовь и уважение.

В пекарне ей пришлось трудиться семь лет, так как там постоянно было жарко и донимали сквозняки, она тяжело заболела. Васса простудила легкие, у нее начала носом и ртом идти кровь, временами ее без чувств выносили на улицу.

По просьбе игумении Аполлинаруии один из старобельских врачей занялся лечением больной. Лекарством была настойка сулемы на водке. Увидев, чем лечится ее ученица, блаженная Параскева строго сказала: «В Царствии Небесном рюмок нет!». Поняв смысл сказанного духовной матерью, Васса наотрез отказалась принимать лекарство. Видя, что состояние ее здоровья не улучшается, ее отправили домой. Там ее мать лечила чайным грибом. Через год она оправилась от болезни и снова возвратилась в монастырь. Встретила ее инокиня Параскева и забрала с собой пасти свиней.

Находясь в полном послушании у своей старицы, Васса уверенно шествовала путем монашеского делания. Со своей стороны,

блаженная Параскева, как умудренная наставница, видя все внутренние качества подопечной, развивала их, ведя к духовному совершенству. Отсекая полностью свою волю, выполняя все требования матушки, послушница обрела душевный покой, смогла избежать многих скорбей и напастей. Приучая свою ученицу к смирению и терпению, инокиня Параскева часто давала ей подобного рода послушания: бывало, насыплет в мешок песок и заставляет болезненную Вассу нести его на монастырские поля несколько верст. Та безропотно все исполняла.

Когда вместе пасли свиней, матушка неоднократно говорила своей ученице: «О тебе напишут два акафиста [Акафист - в Православной церкви](#) [хвалебное песнопение, посвященное Спасителю, Божией Матери, СВЯТЫМ.](#) и будут петь: «Радуйся, Фаино, свиней пасла». Так блаженная пророчески определила Вассе ее монашеское имя и дальнейшее ее посмертное почитание, как наставницы многих заблудших людей и духовной их окормительницы.

Когда пришло время отдавать сестру Вассы, Евфросинию, замуж, то родные приехали в монастырь, чтобы забрать ее на свадьбу, но инокиня Параскева не отпустила ее. «Нам свадьбы не нужны», - строго сказала она

приехавшим родственникам. Так и не сложилась позже семейная жизнь у Евфросинии. Двое деток умерли маленькими, с мужем не ладила. Позже она тайно ушла к сестре в Старобельский монастырь, где и была принята в число послушниц. А ее мужа долго терзали ее родные, думая, что он убил свою жену, пока не узнали о том, где она находится.

Впоследствии на Вассу возложили одно из самых тяжелых послушаний: ездить по селам со сбором на монастырь. Вместе с другими послушницами запрягли они монастырского коня Орлика в телегу и отправились в путь. Оторванные от монастырской жизни, нерегулярно посещая богослужения, переходили они из села в село, собирая жертву на содержание обители. Часто приходилось ночевать под открытым небом, терпели зимний холод и летнюю жару. Особенно тяжело было поздней осенью, когда шли бесконечные дожди, дули пронизывающие ветры, колеса телеги застревали в непролазной грязи. Не везде радушно принимали послушниц, бывали такие места, где не только не жертвовали, но даже и не разрешали переночевать. Но были и такие села, жители которых с участием относились к сборщикам, давая им все, что кто мог. Особенно тепло их принимали в селе Чабановка, потому

что из этого села многие девушки были насельницами Старобельского монастыря, вот их матери и старались помочь своим дочерям.

Когда наступали холода, отправляясь на сборы пожертвований, Васса одевалась в добротное, почти новое пальто, которое очень берегла.

Блаженная Параскева, видя пристрастие своей ученицы к этой вещи, решила искоренить его.

Однажды к ним в гости пришел знаменитый тогда юродивый старец Емельян и остался у них ночевать, это было на Писаревском подворье Скорбященского монастыря. Блаженная приказала Вассе отдать свое пальто, чтобы тот ночью им укрылся. Юродивый преднамеренно небрежно обошелся с ним так, что утром хозяйка обнаружила его крайне замаранным.

Узрев в этом поступке урок матушки, послушница до конца своих дней стала равнодушно относиться ко всем вещам.

Так Васса под пристальным взором своей духовной матери прошла все монастырские послушания. Наконец настало для нее время вступления в первую степень монашества - рясофор. При постриге ее нарекли Варфоломеей.

Но вот наступили страшные времена: в 1917 году большевики совершили государственный переворот, начались грабежи, убийства,

беспорядки, началось жесточайшее гонение на Церковь и ее служителей.

Зимой, в начале 1918 года, инокиня Параскева со своей ученицей были в Киеве, где поклонились всем святыням православной колыбели Святой Руси. 20 января был зверски убит митрополит Владимир и матушки сподобились видеть истерзанное тело этого священномученика. С тревожными сердцами возвращались они в родную обитель.

Неспокойно было тогда и в Старобельске: громили его различные банды, захватившие власть большевики начали непримиримую кровавую войну с Церковью. Трагическим в судьбе Старобельского Скорбященского монастыря оказался 1923 год, сюда явились обновленцы. Эти волки в овечьих шкурах потребовали от монахинь, чтобы те подчинились их порядкам. Но их усилия оказались тщетными - почти все насельницы твердо стояли в вере и не пожелали изменять Уставу Православной Церкви под началом святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси.

Впоследствии сама матушка об этих событиях вспоминала так: «Приехали обновленческие священники, подстриженные и подбритые (раньше духовенство этого не делало), выстроили монахинь в Преображенском пределе Троицкого

храма, а сами стали на амвоне. Они хотели принудить нас подписаться под их документами, но монахини стояли молча и только некоторые подписались». Видя стойкость насельниц обители, возгорев бессильной злобой, при помощи светской власти они начали против них проводить настоящий кровавый террор. Монахинь разогнали, часть из них попали в тюрьмы и лагеря. Одних расстреляли прямо в монастырских стенах, некоторых закопали живьем.

Старице Параскеве и ее ученице, инокини Варфоломеи, пришлось с великими скорбями и слезами оставлять родную обитель навсегда. Знала блаженная, что не придется уже переступить своими ногами ее порога. Но открыто было ей и то, что вернутся они в нее по своей блаженной кончине, когда наступит время славного ее возрождения.

Когда закрыли монастырь и разогнали его насельниц, инокини Варфоломеи было уже тридцать семь лет от роду. Вместе с матушкой Параскевой они испытывали большую нужду и терпели невыносимый голод. От физического истощения кружилось в голове, не слушались обважневшие ноги. Силы каждый день покидали Варфоломею, и она как-то сказала своей старице: «Не могу больше сидеть, ничего

не делая, голодная». Видя состояние своей ученицы, блаженная нашла ей работу: устроила прислугой к одному священнику. Тот для своей служанки купил новые сапоги, кофту, юбку и все красного цвета, заставил снять монашеское одеяние и носить эту светскую «революционную» одежду. Пришла к ней в гости матушка, увидела свою послушницу в новом наряде и строго сказала священнику: «Что, красные копыта ей купил? Нет, Варфоломея не твоя, а моя!» Блаженная хотела забрать ее, но та пожелала остаться, боясь лишиться куска хлеба.

Постепенно Варфоломея стала отвыкать от монашеских правил, больше склоняться к светской жизни. Это хорошо видела прозорливая матушка и стала усиленно молиться о ее погибающей душе. Наложив на себя строгий пост, три дня она провела в пламенной молитве, взывая к Господу и Царице Небесной о вразумлении и спасении своей ученицы.

Молитва великой подвижницы была услышана.

Вскоре, инокиня Варфоломея получила письмо, в котором сообщалось, что скончалась ее мать. Это известие очень опечалило ее и, когда священник пришел домой, то она стала просить его: «Батюшка, моя мама умерла, ее надо запечатать». На что последовал неожиданный ответ: «А что, ты думаешь, у твоей мамы душа

есть?! Вот, что бутылку сургучом запечатать, что твоя мать умерла и ее печатать. Вот и все!» Происшедшее так поразило ее, что она не знала, что делать. «Я начала плакать, - рассказывала позже матушка - что у моей мамы души нет. Пришла матушка Параскева, я ей стала все рассказывать. На мне тогда были сапоги, подаренные батюшкой. Блаженная говорит: «Снимай их, юбку и кофту тоже!» Когда я это все сделала, матушка взяла сапоги и, отворив дверь той комнаты, где был батюшка, бросила их со слонами: «Ты не батюшка, а конь копытами!» Меня же, взяв за руку, увела оттуда. После матушка сказала мне: «Это я поместила тебя туда для того, чтобы ты знала, какие будут священники».

После этого угодницы Христовы направились в Успенско-Серафимовский (Раздабаровский) женский монастырь, там служили настоящие священники, которые остались верными святейшему патриарху Тихону и не принимали обновленчества. Здесь блаженная Параскева стала прозревать предстоящую кончину, говорила своей ученице: «Я уже скоро буду отходить в загробную жизнь». Когда их приняли в число насельниц обители, она стала свою ученицу готовить к постригу в мантию, считая ее достойной этого монашеского звания.

Готовившиеся в этой обители принять постриг соблюдали строгий пост - семь дней ничего не пили и не вкушали пищи. Инокля Варфоломея, выдержав это испытание, была пострижена в мантию с именем Фаина, как и предрекала блаженная. «После пострига, - вспоминала матушка Фаина, - блаженная Параскева взяла меня в свою келию и отпаивала чайком с сухариками, наставляла меня: «Мы отреклись от всего земного. Слышала, как звонили перед постригом? Как по мертвому. Вот мы и должны умереть для мира, ни к чему не привязываться».

Эти простые слова выражают глубокий смысл всей монашеской жизни. Принявший монашество отрекается от мира и всех его прихотей и прелестей. Это крепко усвоила матушка Фаина на всю жизнь и от завета блаженной Параскевы не отступала ни на шаг. Знала, что монастырская жизнь продлится недолго и скоро придется жить в миру, полном различных соблазнов и искушений, готовилась к предстоящим испытаниям.

В сентябре 1928 года Раздабаровский монастырь был закрыт, все насельницы были изгнаны из него.

Началось жестокое гонение на верующих: аресты, ссылки, расстрелы. Монахини старались держаться вместе, селились небольшими

группами, так легче было выживать в это трудное время. Ради пропитания нанимались на разную работу, многие пошли в прислугу, часто приходилось просить милостыню. В Кременной арестовали сразу двенадцать монахинь, только в Михайловке им жилось спокойно, местные власти относились к ним лояльно.

Та же участь постигла и монахиню Фаину: работала у разных людей, многое пришлось претерпеть, но больше плохого, чем хорошего, иногда недобрые хозяева и били свою беззащитную служанку. Многие вместо платы за труд выбрасывали на улицу, тогда приходилось просить милостыню ради Христа. Но мало кто подавал, люди тогда почти все были бедными, часто она оставалась голодной.

Вместе с гонениями на Святую Церковь власти провоцировали и ее раскол, активно поддерживая так называемых обновленцев, захвативших значительную часть православных приходов.

Блаженная Параскева и монахиня Фаина твердо стояли за Православную Веру, вели откровенную борьбу против обновленцев, не боялись, что за это могут поплатиться своей жизнью. Позже об этом времени сама матушка вспоминала: «Когда пошло обновленчество, начался спор между батюшками, блаженная

Параскева послала меня в город Славянск на съезд тех и других священников. Многие выступали с речами: одни поддерживали православных, другие обновленцев. Многие люди не понимали, что происходит, о чем идет спор. Одна женщина встала и, разругавшись, сказала, что ей одинаково, как будут служить, лишь бы служили. Я тоже выступила. Меня поставили на возвышенное место, о чем говорила, точно уже не помню, но знаю, что сильно обличала обновленцев. Помню только свои слова: «Попики, вы замазались грязью и нас туда ведете». На этом собрании бесстрашно выступил против обновленцев диакон Илларион. После собрания его убили. Остались сиротами пятеро детей». Позже матушка просила всегда молиться о упокоении души убиенного диакона Иллариона.

В конце двадцатых годов, когда, после смерти Патриарха Тихона, управлявший Церковью Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Старгородский) под давлением властей принял Декларацию лояльности к богоборческому режиму, все бывшие Раздабаровские монахини во главе с игуменией Херувимой перешли под окормление пастырей Истинно-Православной Церкви. Возглавляли ее епископ Гдовский Димитрий (Любимой) и

Воронежский Алексей (Буй), стоявшие на позициях Патриарха Тихона. Странствуя по селам, монахини призывали народ не вступать в колхозы, не пускать детей в безбожные школы, не брать «антихристовы» паспорта. Службы стали совершать тайно на дому, проводил их священник-тихоновец иеромонах Кирилл (Черненко), бывший насельник Святогорского монастыря. За нелегальное совершение треб и богослужений его неоднократно арестовывали и бросали в тюрьму. К этому исповеднику, истинному пастырю Церкви Христовой, стекалось множество монашествующих и мирян. Так же тайно служил и иеромонах Макарий, живший в Рубежном, за что много претерпел гонений от властей. Свою связь с епископом Димитрием верующие осуществляли через инокиню Антонию (Семенову). Матушка Фаина вместе с монахиней Антониной (Феневой) по церковным делам ездили в Воронеж к епископу Алексию и в Новомосковск к епископу Бахмутскому и Донецкому Иоасафу (Попову). В начале тридцатых годов власти нанесли сокрушительный удар по церковной иерархии Истинно-Православной Церкви. Репрессии обрушились и на рядовых членов церкви. В 1931 году в числе других была арестована и матушка

Фаина. После суда сослали ее на три года в Казахстан.

Ссылка оказалась очень трудной - приходилось выполнять непосильную работу. Заставляли местным жителям носить воду, бывало, по шестьдесят ведер приносила. Жара невыносимая, мучает голод, а никто и куска хлеба не давал. Вот и ела то, что ставили в мисках для кошек и собак. Сбылись пророческие слова старца Алексия, сказанные в Киеве, когда она была еще ребенком. Подойдет матушка, приласкает животное и тихонько возьмет еду из чашки, но не всю, оставит и для него. Так и выжила.

Отбыв срок, матушка возвратилась в родные края, где по-прежнему продолжались гонения на верующих. В 1936 году монахиню Фаину и ее сестру Евфросинию арестовали на станции Попасная, их привлекли к суду, но вскоре оправдали.

Своего дома матушка не имела, постоянно скиталась, жила у людей, отказалась брать паспорт.

Во время войны, в 1942 году, монахиня Фаина осиротела: отошла ко Господу ее духовная мать и наставница блаженная инокиня Параскева. Матушка во всем старалась подражать ей, помнила ее наставления, что она мертва для

мира. Поэтому она бежала от человеческой славы, была равнодушной к мирской жизни. Она никогда не говорила, вкусная ли пища, которой ее кормили, или нет. Также никогда от нее нельзя было услышать, красивое ли платье, или нет. Внешняя сторона человеческого бытия не привлекала ее, вся внутренность ее была согрета Иисусовой молитвой, которую непрестанно творила сама и заповедовала это делать своим близким. Лицо ее, всегда спокойное, излучало доброту. Главным ее украшением было глубокое смирение, которым она скрывала от людей полученные в награду за непрестанные подвиги и молитвенные труды от Господа, благодатные дары. Ей дано было духовное видение каждого, приходившего к ней человека. И как сердобольная мать всячески старалась врачевать греховные язвы своих духовных чад, наставляя их на истинный путь. Избегала общения матушка с теми священниками, какие нерадиво относились к своему делу, вели себя недостойно, нарушали церковные уставы. В храмы, где они служили, она не ходила сама и не разрешала посещать своим духовным последователям.

В 1948 году матушка Фаина некоторое время жила в городе Старобельске у одной старушки Гликерии Петровны. Вместе с ней здесь

проживали и другие сестры обители: монахиня Валентина, монахиня Руфина и инокиня Мелитина. Занимались они рукоделием, тем и кормились.

Когда настало время голода, монахиня Фаина всячески старалась помочь людям, с кем-то делилась едой, а кому помогала и добрым советом. Многих она утешила, спасла не только от голодной смерти, но и от духовной гибели. Многие, оставшиеся благодаря ее помощи в живых, добрым словом поминают матушку и сегодня.

В послевоенное время ее духовным наставником, как и многих верующих, был иеромонах Макарий. Истинный исповедник Веры Христовой, притерпевший много гонений за свои убеждения, принял и подобающую кончину. После его смерти власти так и не смогли установить его личность. Двадцать один день они не давали погребать его тело, которое все это время оставалось нетленным, не издавало никакого запаха. Только после того, как возмутились местные жители, его духовные чада, «безродного дедушку» разрешили похоронить. Могила его в Рубежном и по сей день почитается верующими.

Подобно блаженной Параскеве, матушка юродствовала. Носила на себе много одежды,

отчего казалась полной. При ней всегда была тяжелая сумка, доверху набитая газетами и камнями. Часто говорила с людьми непонятной скороговоркой, бывало, натворит много, казалось бессмысленного. Но проходило время, и обстоятельства заставляли людей вспоминать ее слова, которые с поразительной точностью сбывались.

Постепенно вокруг матушки собрались ученики, которым она стала духовной матерью. Под ее руководство перешли и послушники блаженной Параскевы. В то страшное время, когда почти все храмы были закрытыми, когда вера искоренялась из человеческих душ, Господь призвал ее быть лучезарным светильником, чтобы в кромешной тьме светить людям, указывая им путь спасения. Многих заблудших монахиня Фаина привела к вере, укрепила маловеров, грешников заставила покаяться. До сих пор видны плоды ее неустанных трудов: оставшиеся в живых ее духовные чада отличаются высокими христианскими качествами, глубокой верой и великим смирением.

Как дороги сейчас для нас воспоминания о матушке близко знавших ее людей, тех, кто видел ее, общался с нею. Одно из таких

воспоминаний ближайшей ее последовательницы приведем ниже.

«Впервые монахиню Фаину я увидела в январе 1943 года на Рождественских святках в квартире тети Шуры. Она сидела рядом со мною на длинной скамейке, как бы дремала, немного покачиваясь. Я тогда с ней еще не была знакома, думала, что какая-то бабушка пришла. Она сидела справа от меня. Вдруг она поворачивается ко мне и творит: «С моего колодца будет вода литься, а вы будете пить». Я повернулась к ней и подумала: «Что это бабушка говорит?» На мои мысли матушка ответила: «Я буду говорить, а вы будете слушать». Она нас учила основам православия, наставляла на путь благочестия. Ее слова были той живой водой, какая питала душу, укрепляла дух. Благодаря ее наставлениям мы и становились настоящими православными христианами.

Я работала в городе Старобельске на овощной базе, ходила домой в село за пять километров. Стала туда со мной ходить и матушка, иногда оставалась у моей сестры, у которой я жила. Часто приходилось мне задерживаться на работе, а то и не приходила на ночь домой. Перед тем, как я приходила, матушка говорила сестре: «Стели поперек кровати», а когда оставалась в городе, говорила: «Стели, Варя,

вдоль». Говорила так потому, что в доме была всего одна кровать и мы все на ней спали.

Закончилась война, я уехала в Кадиевку, в Старобельске не была четыре года. Приезжаю наконец к сестре в мае месяце, как раз на Пасхальные дни, спрашиваю у нее: «Матушка ходит к тебе?» Она ответила, что та была давно. Не успела я отдохнуть, как приходит матушка и обращается ко мне: «Дай мне два рубля, мне нужно починить ботинки». Затем спросила: «У вас в Кадиевке в больнице люди лежат?» Я ответила: «Лежат». Она помолчала и опять спрашивает: «А они умирают?» И так три раза переспросила. Я ответила: «Не знаю, умирают или нет...» Возвратилась я в Кадиевку и через два месяца положили меня в больницу на операцию. Готовили к ней две недели, я это все время лежала и думала:

«Умру ли я, или нет?» Вот и починила ботинки!

В то время моя сестра Варя заболела ангиной, да так сильно, что шишки чуть не задавили ее. Привезли ее из дому в город. В больничных воротах встречает матушка, протягивает ей носовой платок и говорит: «Возьми». Та взяла и спрашивает: «Зачем он мне, матушка?» «Утрись им», - ответила блаженная и пошла на улицу. Сестра утерлась этим платком и сразу

прорвались опухшие гланды, в тот же день ее отпустили домой.

В 1960 году, дня за три до праздника Святой Троицы, пришла ко мне монахиня Фаина, помолилась перед иконами и говорит: «Вот тебе послушание: иди, нанимай машину, поедem к источнику в Киселеву балку на третий день Святой Троицы». А в это время у моей сестры Вари заболела дочь Рая. Положили ее в больницу, где она лежала два месяца. Взяли у нее анализы, отослали их в Луганск. Там поставили диагноз: рак придатков. Стали готовить ее к операции. Матушка говорит сестре: «Варя, иди, заведи Раю - повезем ее к источнику». Та ответила: «Матушка, ей уже назначили операцию». «Иди, заведи ее под расписку!» - настаивала монахиня Фаина. Сестра забрала дочь из больницы. Я наняла грузовую машину для поездки, собралось нас двадцать человек взрослых и семеро детей и поехали в балку. В тот год весна выдалась сухой, до Троицы совсем не было дождей. Все деревья в лесу были в червях. Когда мы приехали на место, вышли из машины, кузов которой был покрыт брезентом, а в будке были лавочки для сидения.

Солнце находилось в зените, сильно пекло, на небе ни одной тучки. К нам подъехал лесник и

спросил: «Откуда столько людей?» Матушка поклонилась ему до пояса, ответила: «Лечиться приехали». А он ей и говорит: «Вы бы помолились, чтобы дождь пошел». Матушка перекрестилась, ссунула с головы платок и произнесла: «Господи, дай дождя!» Как только она это сказала, в ту же минуту полил дождь, да такой, что мы сразу все стали мокрыми. Я сколько живу, а такого не видела: везде сухо, а над нашими головами льет настоящий ливень. Все пошли в балку, в кузове машины осталась лишь жена моего брата Нина с маленьким ребенком, а меня матушка оставила наверху, сказав: «Будь здесь». Когда та возвратилась, Нина обратилась к ней: «Я пойду с дитем в балку». Она ответила: «Не надо, и здесь Господь послал благодать!» Матушка Фаина подошла ко мне и спросила: «Ну, лесник понял, что это?» Я догадалась, что матушка спрашивает о происшедшем чуде. Ведь только сказала она: «Господи, дай дождя!», в ту же минуту и услышал Он ее молитву и исполнил прошение. Страшно стало, ведь рядом с нами находилась такая великая молитвенница. Только я подумала об этом, а она говорит мне: «Иди, скажи людям, пусть скорее набирают воду и выходят к машине. Скорей! Скорей!» Все вышли, сестра успела Раю искупать в источнике. Когда сели в

машину, по небу поплыли черные тучи. И как только поехали по грунтовой дороге, пошел сильный дождь. Мы достали еду, стали кушать. Матушке давали хлеб, но она его не брала и сказала: «Не возьму, вот что еще нам покажет станица Луганская». Когда подъехали к станице, то началась такая гроза, что машина остановилась, а мы пригнулись друг к другу. Сколько ехали домой, всю дорогу лил дождь, который обильно напоил землю. Вот, что значит молитва святого человека перед Богом. Это мы все поняли. Когда больную Раю привезли домой, она больше в больницу не ходила и со временем стала совершенно здоровой.

Однажды сильно заболела моя знакомая, пришла ко мне и просит, чтобы я ее повезла в Киселеву балку. Угостила меня яблоками. Вскоре пришла ко мне матушка, я даю ей эти яблоки и рассказываю о просьбе больной. Матушка взяла яблоки, перекрестилась и говорит: «Царствие небесное». Я подумала, что она поминает сродников знакомой и спрашиваю: «Везти ли ее к источнику? Больная, - говорю, - наймет машину у соседа, а я покажу дорогу». На что та ответила: «Царствие небесное. Не надо везти, она скоро умрет». Так и случилось: прожила эта женщина еще месяц и умерла. Так сбылось пророчество монахини Фаины о человеке,

какого она никогда не видела и не знала. Был еще случай. Пришла ко мне больная соседка Фрося, стала перед иконами и со слезами попросила: «Будете ехать к источнику, возьмите и меня». Через три дня пришла матушка и на мой вопрос о Фросе ответила: «Эта скоро умрет, не надо везти». Так и случилось, умерла она через полтора месяца».

Многих матушка лечила киселевской водой, даже капля ее из этого источника подавала здоровье больным. Часто монахиня Фаина исцеляла прикровенно: то руку кому на голову положит и тот человек избавлялся от болезни. У одной женщины сильно болела дочь Таня. Матушка маме больной дала два кусочка сахара и кусочек хлеба со словами: «Пусть Таня все съест, на первый день она встанет, на второй тебе водички подаст, а на третий и мне кушать принесет». Все так и произошло, Таня выздоровела, больше не болела.

Вспоминает еще одна почитательница монахини Фаины: «Однажды шла я со своей, уже замужней, дочерью по дороге. Впереди нас шла матушка Фаина. Вдруг она обернулась и спрашивает: «А чьи это шесть душ детей бегут за нами?!» Дочь в ужасе, побледнев от страха, только и ответила: «Мои, матушка, мои.

Простите меня!» Оказалось, моей дочерью было сделано шесть аборт.

Один верующий человек почитал только писанные иконы, а литографические не признавал. Ему матушка строго сказала: «Не пренебрегай! На них тоже лики Спасителя, Божией Матери и снятых изображены!»

У одной рабы Божьей Агафии на одной старой иконе от времени стерся лик и ничего уже не было видно. Та говорит матушке: «Я отдам художнику, чтобы нарисовал». Блаженная сказала: «Оставь, она сама обновится». Через три дня Агафия увидела, как начала обновляться икона. Стал четко виден лик Пресвятой Богородицы с Богомладенцем.

Мало кто при жизни монахини Фаины понимал, что она великая угодница Христова. Так, инокиня Мелетина говорила, что та в прелести. Матушка знала об этом, но не только не обижалась, но и возила ей продукты, когда той нечего было есть.

Когда матушка была в ссылке, она сильно заболела, после ее здоровье не поправилось. Она всегда мерзла и, чтобы согреться, надевала на себя много одежды, при этом казалась сильно полной. Этим люди соблазнялись и говорили нелепости о ней. Один раб Божий Иван Груздо как-то высказался: «Да разве это монахиня?!»

Узнав об этом, блаженная призвала его к себе и, в присутствии своих учеников, сказала: «Ну, Ваня, ты сейчас меня раздевать будешь». Тот испугался, стал отказываться, но матушка настояла. И он начал помогать ей снимать с себя кофты: первую, вторую, третью, четвертую, пятую..., пока та не осталась в нижней одежде. Монахиня Фаина стояла тоненькая, как соломинка. Ивану стало очень стыдно, в страхе упал он на колени перед матушкой и со слезами просил у нее прощения.

Монахиня Фаина была великой молитвенницей, внешним знаком этого был крест, составленный морщинами над верхней ее губой. Она молилась о живых и мертвых. Однажды блаженной приснился сон: явилась одна монахиня и попросила: «Молись обо мне, меня живой закопали в землю, имя мое - Ангелина». До своей кончины ложилась матушка о ней в своей келии земные поклоны.

По ее молитвам Господь творил великие чудеса. Во время гонений на Церковь, когда людям негде было даже освятить пасхи, вечером в Великую субботу приказала она своим ученикам во дворе устроить иконостас и повесить перед ним лампадки. Поставили перед ним пасхи и стали усиленно молиться. И вот на рассвете слетелось во двор множество птиц, и начали

радостно петь, сидя на ветвях деревьев. А ровно в четыре часа утра на пасхи сошла обильная роса и они были как бы окроплены. Так Господь не оставил своих верных чад, по молитвам матушки утешил их своим благодатным посещением.

Своей ученице Евдокии монахиня Фаина часто рассказывала о своей жизни и приказала: «Как будут потом обо мне расспрашивать, ты им все Расскажи». «Да кто за Вас спрашивать будет!» - удивилась послушница. «Придет время, будут спрашивать», - ответила та и добавила: «Как умру, каждой тряпкой моей будете дорожить».

Однажды духовный сын матушки Никита увидел ее в Старобельске на рынке возле мусорных ящиков. Когда он подошел к ней, она произнесла непонятные для него слова: «Скажешь, если кому нужна, я возле мусора». Смысл сказанного открылся только после ее смерти.

Посылала монахиня Фаина своих духовных чад к юродивой матушке Марии в Лисичанск, говоря: «Вы ей хоть рубль дайте, она за вас в ответе перед Господом, а ей нужно и уголек купить».

И к подвижнице, матушке Наталии в Красный Луч посылала.

«Придет время, в домах Старобельска все коробки пустыми будут, все машины поржавеют и люда начнут расседаться по округе», - о наших временах пророчествовала блаженная. Одной жительнице Старобельска говорила: «Придет время, ты доживешь, откроют монастырь, монашек набирать будут, а нас уже не будет. Мощи же инокини Параскевы будут в монастыре. А ты еще будешь ходить на службу».

Часто посещала она могилку своей духовной матери в Лисичанске. Там беседовала с ней как с живой, делилась своими сокровенными мыслями, рассказывала о своих нуждах и бедах. Однажды, когда ей негде было жить и она долго скиталась, приехала на могилу своей старицы и долго молилась со слезами, слышны были только слова: «Матушка, и звери имеют норы, и птицы имеют гнезда, а мне негде и голову приклонить». Вскоре жители Старобельска, по фамилии Щегловы, взяли ее к себе, где она впоследствии и скончалась, жили они на улице Магистральной.

Келейницей при монахине Фаине последнее время была Аннушка, она ухаживала за матушкой, та ее очень любила и говорила о ней: «Аннушку куры загребли, а мы ее выкопали». Анна была девственницей, только ей позволяла

блаженная касаться своей мантии, умерла она через три года после матушкиной кончины.

О последних днях жизни матушки Фаины вспоминает одна из ее почитательниц: «Это было перед новым 1972 годом по старому стилю, мы приехали в Старобельск, встретила нас Аннушка и говорит, что матушке плохо, но она не лежала, все время была на ногах. Когда она увидела нас, сказала: «Будем открывать монастырь». Я спросила: «Матушка, а меня возьмете хоть дворником?» Мы тогда не догадывались, что она говорила о скорой своей кончине. Затем матушка попросила Анну, чтобы та одела ее в мантию. Облачившись в монашескую одежду, положила на стол икону, на голову себе надела венчик, в руки взяла крест и обратилась к нам с такими словами: «Креститесь, кланяйтесь иконе, потом подходите ко мне прощаться». В комнате нас было восемь человек, всех взяла оторопь. Мы стали по очереди исполнять то, что приказала матушка, только монахини Руфина и Мелитина не подошли, считая это кощунством. Последней подошла Аннушка, ей блаженная сказала: «А ты со мной прощайся по-монашески: Целуй сначала в правое плечо, а затем в левое». После этого матушка распростерла мантию и говорит: «Подходите под мои крылышки». Мы, шестеро, подошли. Потом она сняла мантию, села,

подозвала меня к себе, дает мне двадцать один рубль и просит: «Добавь еще денег и купи пуховое одеяло, а то здесь будут через три дня похороны, людей будет много, чтобы было чем укрываться». Дуня, хозяйка дома, спросила: «Матушка, а кто же умрет?» Та ответила: «Федорова сестра». Недоумевая, Дуня снова задала вопрос: «А что это ее отсюда хоронить будут, ведь у нее свой дом есть?» Матушка строго ответила: «Отсюда хоронить будут!» Она говорила о своей кончине, но тогда мы еще этого не понимали. Перед уходом я наклонилась к блаженной и тихонько попросила: «Матушка, благословите меня». Она перекрестила, и говорит мне: «Терпи, терпи, здесь все временно, а там - вечно, упала - вставай». Когда мы уходили, она проводила нас. Уезжая, мы и не думали о том, что видим в живых ее уже последний раз.

О кончине монахини Фаины вспоминает Аннушка: «Наступил новый 1972, по старому стилю, год. Матушка прошлась по комнате, посмотрела в окна и говорит: «Кто вас теперь будет встречать, и кто вас будет провожать?» Я говорю: «Вы, матушка». А она в ответ: «Я сегодня буду умирать». Я испугалась, прошу: «Не умирайте», а она ответила: «Бессмертных людей нет». Настал вечер, пришли монахини Руфина и Мелитина, сели за стол ужинать, и матушка

Фаина тоже сала с ними, хотя до этого ничего не ела двадцать один день. Мне она говорила: «Это за мамины грехи я наложила на себя этот пост, потому что она на свадьбах наряжалась и соломой подпоясывалась». Когда встали из-за стола, помолились, матушка перекрестила всех и сказала: «Дай, Господи, вам эту ноченьку пережить благополучно». Монахини ушли домой, а матушка стала возле диванчика, где спала и стала пристально смотреть на горящую лампадку. Я спросила: «Что это Вы так смотрите?» Она ответила: «Насматриваюсь на земную лампаду». Затем сказала: «Принеси мне воды из Киселевой балки». Когда я принесла воду, она заставила лить ее на спину и голову, что я и делала. Затем у нее подкосились ноги, мы с Дуней подхватили ее и положили на диван, но она уже была бездыханной. Это произошло около девяти часов вечера. В это время на оконном стекле проступило изображение чаши. Скончалась матушка на восемьдесят шестом году жизни.

Погребена была монахиня Фаина на центральном кладбище в селе Чмыровка возле города Старобельска. Могилу ее устроили так, как она сама благословила: обложили ее кирпичами, какие принесли ее ученики. На каждом было написано имя того, кто принес, за

них матушка обещала молиться. Ее духовные чада часто приходили сюда, молились об упокоении души своей старицы, пели псалом. Этот стих был написан в Раздабаровском монастыре по поводу кончины неумении. Его словами приходившие выражали глубокие чувства любви осиротевших детей к своей духовной матери:

На гроб твой тихий, наша мать,
Пришли мы плакать и рыдать.
Твои птенцы, услыши нас,
Своих сирот, во всякий час.

Не прекращай ты к нам любви
И нас с небес благослови.
О нас Владыку умоляй
И никогда не забывай.

А мы всегда в вечерний час
Подыдем к небу детский глас,
Твою могилу окружим,
Прославим Бога, ублажим.

Тебе на гроб кладем венец,
Из детских сплетенный сердец.
За все плоды твоих трудов
И за твою к детям любовь.

О матери сирот, услыши нас
Своих детей во всякий час.
Мы будем помнить, петь всегда
Твою любовь к нам, госпожа.

Пришли мы петь твою любовь,
Которой ты под твой покров
Собрала бедных нас детей
Снятой обители твоей.

Трудились ты и день, и ночь,
Чтоб сиротам в нужде помочь.
Чтоб мы, о мать, во цвете лет
Увидели духовный свет.

Теперь же ты, родная мать,
Пошла на небо отдыхать.
Спаситель наш, Жених, твой Бог,
Устроил для тебя чертог.

Недалеко от матушкиной могилы, по козням врага рода человеческого, нерадивые люди стали сбрасывать мусор. Со временем образовалась большая куча, что заставило учеников вспомнить ее слова, сказанные некогда на базаре Никите о том, где ее искать.

По милости Божией и Царицы Небесной ранним утром седьмого мая 1998 года на кладбище была отслужена последняя панихида по монахине

Файне. После была вскрыта могила, обретены ее нетленные мощи и перевезены в Старобельский Свято-Скорбященский монастырь, где третьего августа были преданы земле во дворе этой славной обители. Каждый, кто посещает монастырь, приходит и на матушкину могилу. Здесь многие, по своим молитвам, получают благодатную помощь от великой Угодницы Божией, о чем собрано большое количество свидетельств.

Взовем и мы: «Упокой, Господи, душу усопшия рабы Твоея Файны и святыми ее молитвами прости наши многие прегрешения. Аминь».